

«Отец! Пожалуйста, помилуй их!» Сюн Цзинфэй громко закричала, не отрываясь от земли. Она будет соответствовать этому положению и оставаться на этом положении до нужного момента.

Наконец во дворе Сюн Цзинфэй воцарилась тишина. Кривые целились. Те, кто потянулся, нацелены. Каждый из них затаил дыхание, окаменев от малейшего звука. Им не нужно было издавать ни звука или озвучивать свой страх.

Сюн Цзинфэй знает. Внутри они умоляли ее спасти их. Случай, она была обнаружена человеком в поместье Сюн, кто мог убедить Сюн Гожи.

— Ты знаешь, о чем ты меня просишь? — уточнил Сюн Гожи. Он больше не бушевал и не использовал свой громовой голос.

Вместо этого он говорил своим генералом командным тоном. Тот, который используется для отправки тысяч людей на войну. Голос, который захватывал людей подчинялся ему, его не представлял сомнению приказов. Тон, он использует, когда наносит удар своим врагам прямо в сердце, а также тон, который кричит о победе, когда победа достигается. Это был действительно ужасный голос.

Сюн Чанчан и Сюн Цзяи думали, что уже слышали самые обидные слова Сюн Гожи, но ошиблись. Это было значительно более терроризирующим, чем то, что он использовал на них ранее. Прямо сейчас обычным человеком, выдержавшим все это его давление, была старейшая мисс поместья Сюн.

"Да!" — закричала Сюн Цзинфэй, обнаружившая скрытую дрожь, пробежавшую по ее спине. Она прижала руки к холодной грязной земле, чтобы стабилизировать ее, все еще потрясая руки.

"Мм-мастер, пожалуйста, пощадите нас!" Заговорила одна из служанок. Она без устали сидела на земле после схватки с одним из гвардейцев.

«Пожалуйста, хозяин! Мы умоляем вас!»

«Пожалуйста, помилуй нас!»

«Мастер, пожалуйста, простите это хоть раз ради Старейшей Мисс!» — крикнул Сюй Сун, сразу же подозревая Сюн Цзинфэй.

«Пожалуйста, помилуй их хоть раз!» Все служанки Сюн Цзинфэй последовали её примеру и просили прощения у тех, кто намеренно пришел сегодня причинить им боль.

— Отец! Я умоляю тебя! — воскликнула Сюн Цзяи, опускаясь на колени вместе с

потенциальными служанками. На данный момент она не вторая помещая Сюн. Она та, кто предоставит такое же назначение, как и все остальные. Ей не нужно было высоко держать голову в небе.

Тем временем Сюн Чанчан выпрямилась. Не желая лечь на землю, чтобы просить милостыню, рискуя жизнью. Она никогда не поставит себя ниже кого-либо. Даже если бы ее отец довел ее до смерти, она бы никогда не встала на колени вместе с бесчисленным множеством скромных служителей. Она была их хозяином! Они всего лишь инструменты, которые она может выбросить, когда захочет.

В глазах Сюн Чанчан мелькнуло счастье. Она была взволнована, увидев, как гордая Сюн Цзинфэй стоит на коленях и требует подаяния, как эти скромные служители! Теперь, кто тот человек, который изображает ее личность! Кто тот человек, который не знает, что она благородная дама с высоким воспитанием!

Сюн Цзинфэй. Поместье Сюн может легко заменить каждую из этих жизней на земле. Большинство горничных были гражданами других стран. Они были отправлены против своей воли жить здесь после того, как их нация выражена им. Для Сюн Чанчан они ничего не стоили!

— Хм, — слегка усмехнулась Сюн Чанчан. Она не верит, что ее отец действительно заставит своих охранников выпороть ее десять раз. Он точно не убьет дочь. Ее жизнь стоила значительно больше, чем эти скромные служащие!

После того, как она усмехнулась, все ее тело стало очень холодным. В это время года было уже не так тепло, но и не достаточно холодно. Недостаточно, чтобы получить мурашки по коже. Сюн Чанчан стерла это чувство, но оно не исчезло быстро.

Что поразило её, увидев, как раньше она изо всех сил поглощала его, как можно дальше. Часть её хотела сбросить ее с себя, но обнаружила самообладание, память, кто она такая.

«Ч-что делать...» Сюн Чанчан заикалась, не в силах закончить предложение, глядя на ауру смерти прямо на неё. Она продолжала смотреть на Сюн Цзинфэй, чье лицо все еще было к земле.

Хотя Сюн Цзинфэй смотрела на нее краем глаза. Как будто она призвала Сюн Чанчан поддерживать протокол к ним неуважение. Сюн Цзинфэй буквально говорила ей, что она не могла быть более очевидной в своих чувствах к тем, кто проживает в их доме. Она осмелилась, чтобы Сюн Чанчан вернула это! Проверяет, рискует ли Сюн Чанчан своей жизнью, чтобы бросить вызов ее терпению.

Сюн Чанчан закрыла рот. Говорить себе сейчас не время провоцировать Сюн Цзинфэй, видя, что у неё есть преимущество, чтобы смягчить наказание.

"Тишина!" — закричал Сюн Гожи, заглушая каждый голос и хныканье. Он обратился к Сюн

Цзинфэй и спросил: «Ты просишь меня нарушить правило, которое семья Сюн соблюдает в каждом поколении?»

— Нет, отец. Сюн Цзинфэй спокойно ответил. В настоящее время!

Она подняла голову от земли, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. Как и у Сюн Чанчан, в ее глазах не было ни колебаний, ни сомнений. Она имеет в виду то, что собирается, и не отступает от своих слов.

«Наш глубокоуважаемый Император из поколения в поколение Отец, почему бы нам не пойти по стопам нашего Императора? Мы должны показать другим, что мы тоже принадлежны».

Ян Чжэян не представляет приходя к другим, но он знает, что такое сострадание. В то время как Сюн Гожи даже не знает, что такое прощение. По его мнению, те, кто нарушает правила, должны быть наказаны!

Он покачал головой. Это была встряска гнева, но разочарования. Сюн Цзинфэй смогла найти лазейку, чтобы смягчить наказание. В случае возникновения, не имеет никого на ком из них. Жаль, что она родилась женщиной и скоро покинет его. Если бы она родилась мужчиной. Впоследствии она заняла его место.

Как раз в тот момент, когда Сюн Гожи открыл рот, чтобы выразить своевольное обсуждение. Высокий голос вместе с другими помчался ко двору Сюн Цзинфэй.

Сюн Цзинфэй закрыла глаза, чтобы успокоиться, а затем открыла их и посмотрела на свои ворота, приветствуя незваного гостя.

<http://tl.rulate.ru/book/65502/1817809>